

Ю.М. Голанд
ИЭ РАН, Москва

Подсказки из опыта НЭПа для решения современных экономических проблем (к 100-летию перехода к НЭПу)

Аннотация. В статье анализируется опыт НЭПа, те его черты, изучение которых может помочь в решении проблем современной отечественной экономики. Очевидны определенные аналогии между смешанной экономикой периода НЭПа, которую В.И. Ленин назвал государственным капитализмом, и современной рыночной экономикой с ростом в ней роли государства. В рамках избранной темы уроков НЭПа выделено пять ключевых направлений исследований: 1) подбор квалифицированных кадров; 2) ограничение системы избыточного контроля; 3) денежно-кредитная политика, сочетающая борьбу с инфляцией со стимулированием экономического роста; 4) стабильный обменный курс отечественной валюты, или девальвация; 5) привлечение иностранного капитала. По каждому направлению указаны проблемы, возникавшие в ходе развития НЭПа. Они были вызваны не только сложностью задач восстановления экономики, разрушенной после Гражданской войны. Большое значение имели также противоречия в правящем слое компартии. Руководящие работники, непосредственно занятые в экономике, считали главным приоритетом развитие производительных сил и исходили из необходимости стимулировать увеличение производства. Партийные идеологи и аппаратчики, работники различных контрольных органов руководствовались прежде всего политическими и идеологическими соображениями. В результате этих противоречий в экономической политике нередко наблюдалась непоследовательность. Изучение опыта НЭПа дает возможность найти в его уроках то положительное, что можно было бы использовать в современных условиях, а также то негативное, которое не следует повторять.

Ключевые слова: *новая экономическая политика, НЭП, кадры, контроль, инфляция, денежно-кредитная политика, экономический рост, девальвация, иностранные инвестиции.*

Классификация JEL: B14, E22, E31, E52, F21, F35, H62, N14, N34, M12 O40, P20.

Для цитирования: **Голанд Ю.М.** (2022). Подсказки из опыта НЭПа для решения современных экономических проблем (к 100-летию перехода к НЭПу) // *Журнал Новой экономической ассоциации.* № 4 (56). С. 172–193. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-56-4-8

Введение

Весной 1921 г. после окончания Гражданской войны в условиях разрухи Россия перешла от политики «военного коммунизма» к Новой экономической политике (далее – НЭП), основанной на сочетании различных форм собственности при использовании рыночных методов, наряду с государственным регулированием. Многоукладную экономику периода НЭПа председатель Совнаркома В. Ленин назвал государственным капитализмом. В марте 1922 г. в докладе на XI съезде правящей Российской коммунистической партии (большевиков) он заявил: «Вся наша новая экономическая политика является применением нами, коммунистами, приемов торговых, приемов капиталистических» (Ленин, 1982, с. 78).

Это позволило вывести экономику из крайне тяжелого положения. К концу НЭПа в 1928 г. довоенный уровень производства был восстановлен, хотя по ряду качественных показателей он достигнут так и не был. Вместе с тем с самого начала перехода к НЭПу в руководстве правящей компартии, наряду с курсом на продолжение и углубление НЭПа, сохранялась тенденция считать

НЭП временным тактическим маневром, от которого предстоит при первой возможности отказаться. Эта идейная раздвоенность приводила к непоследовательности в реализации принципов НЭПа, в результате чего обострялись возникавшие в ходе развития страны сложные проблемы. Попытки разрешать их на путях отхода от этих принципов привели к острому кризису в конце 1927 г. и свертыванию НЭПа. Изучение опыта НЭПа позволяет найти то положительное, что можно было бы использовать в современных условиях и чего следует избегать, чтобы не наступать на те же грабли.

Конечно, спустя 100 лет многое изменилось, но изучение уроков прошлого актуально и важно для понимания современных процессов, стало общим местом в экономической теории. Так, известные американские экономисты К. Рейнхарт и К. Рогофф, стремясь глубже понять природу всемирного финансового кризиса 2008–2009 гг., исследовали финансовые кризисы в разных странах за несколько веков. В предисловии к монографии, где были приведены результаты исследования, авторы отмечают, что у современных кризисов существует замечательное сходство с историческим опытом разных стран. Они подчеркивают: «Признание этих аналогий и прецедентов является важным шагом на пути улучшения нашей глобальной финансовой системы, что поможет снизить риск будущего кризиса и эффективнее справляться с катастрофами, если таковые произойдут» (Рейнхарт, Рогофф, 2011, с. xxxi). Уместно также вспомнить, что китайские реформы, начавшиеся в 1978 г., основывались на идеях, близких к НЭПовским. И это неслучайно – их инициатор Дэн Сяопин в 1926 г. учился в университете в Москве, а разработчики китайских реформ изучали опыт НЭПа.

И вот минул век. В России в ходе реформ сформировалась смешанная экономика капиталистического типа, и вместе с тем в последние годы растет роль государства в экономике. Речь идет не только об удельном весе государственной собственности, но и контроле государства даже над преимущественно частными предприятиями. По разным оценкам, роль государства в экономике доходит до 70%, а в активах банковской системы доля госсектора превышает 70%. Такое повышение роли государства позволяет провести определенную аналогию с государственным регулированием периода НЭПа. Имея ее в виду, полезно рассмотреть те проблемы, с которыми столкнулись государственные предприятия при переходе к НЭПу. Образование трестов, перешедших на коммерческих началах, было призвано обеспечить повышение эффективности их работы. Однако уже первый год работы показал, что этот переход был необходимым, но недостаточным условием для улучшения их деятельности. На первый план стала выдвигаться кадровая проблема, подбор компетентных руководителей.

Подбор квалифицированных кадров

Решению этой проблемы Ленин придавал первоочередное значение. 6 марта 1922 г., выступая с речью на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов, он выдвинул принципиально важное для развития НЭПа предложение: «Нам нужно построить всю нашу организацию так, чтобы во главе коммерческих предприятий у нас не оказались люди, не имеющие опыта в этой области» (Ленин, 1982, с. 15). В такой замене была настоятельная необходимость, прежде всего из-за трудных условий, в которых работали

предприятия. При переходе на хозяйственный расчет они получили от государства недостаточный объем оборотного капитал — в среднем на 50% потребности в форме запасов сырья, материалов, топлива, имевшихся на предприятиях в тот момент, и небольшого количества денежных средств. Тресты были вынуждены для продолжения своего существования использовать нетрадиционные способы ведения дела. Широкие масштабы приобрели товарообменные операции, причем нередко выстраивались длинные цепочки обменов. Для использования всех этих мер нужны были работники с опытом коммерческой деятельности.

Ленин в отчетном докладе ЦК на XI съезде партии 27 марта 1922 г. вновь вернулся к своей мысли. Он призвал не успокаиваться на том, что везде в государственных трестах и смешанных обществах ответственные и лучшие коммунисты: «Толку от этого нет никакого, потому что они не умеют хозяйничать и в этом смысле они хуже рядового капиталистического приказчика, прошедшего школу крупной капиталистической фабрики и крупной фирмы. Этого мы не сознаем, тут осталось коммунистическое чванство» (Ленин, 1982, с. 82).

Во главе первых трестов, образованных в августе 1921 г., действительно были поставлены беспартийные специалисты с дореволюционным опытом руководства предприятиями. Эту политику вел президиум ВСНХ¹ во главе с П. Богдановым, который был по образованию инженером и до революции несколько лет возглавлял газовое хозяйство Москвы. Особое внимание он обращал на назначение специалистов руководителями предприятий с технически сложным оборудованием. Но все-таки в большинстве трестов во главе стояли члены РКП(б). Гражданская война закончилась, из армии возвращались ответственные коммунисты, которым надо было предоставить соответствующую должность. Некоторые из них сумели освоить новое для них поле деятельности, но в большинстве случаев они не могли руководить производством в трудных условиях. Естественно, что они не могли соглашаться с предложением Ленина, и их поддерживали партийные органы.

Такие руководители стали просить снять с хозяйственного расчета их тресты. Это стремление вызвало резкую реакцию Ленина. В своем письме наркому финансов Г. Сокольникову от 1 февраля 1922 г. он писал: «Вы мне сказали, что некоторые наши тресты могут в ближайшем будущем оказаться без денег и просить нас ультимативно о том, чтобы мы их национализировали. Я думаю, что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий» (Ленин, 1983, с. 150). В качестве меры такой ответственности он предлагал далее привлекать членов правления этих трестов к суду и сурово их наказывать. Понятно, что такая административная ответственность не могла быть эффективной и важнее было не допускать к руководству трестами неспособных людей, на что в дальнейшем Ленин и сделал упор.

Подбору кадров уделяли большое внимание и в комиссии по подготовке положения о трестах, образованной в конце ноября 1922 г., которую возглавлял член Политбюро Л. Каменев. Один из членов комиссии председатель правления крупного треста «Моссушко» В. Таратута писал в записке Каменеву, что опыт работы трестов в условиях НЭПа показал прямую зависимость их результатов от наличия соответствующих работников: «Самые мощные тресты разрушались

¹ ВСНХ — Высший совет народного хозяйства, образован в декабре 1917 г. для организации всего народного хозяйства. С переходом к НЭПу его функции были ограничены руководством государственной промышленностью.

там, где во главе стояли неподходящие люди. Обратное, самые запутанные, ложные и слабые тресты крепили и развивались там, где во главе стояли подходящие люди»². Он подчеркивал, что достигнутые с момента перехода к НЭПу успехи в работе промышленности и торговли явились результатом инициативы и самостоятельности, предоставленными непосредственно хозяйствующим органам.

Однако в то же время стали набирать силу противоположная тенденция. Политбюро ЦК РКП(б) образовало комиссию из пяти человек во главе с секретарем ЦК В. Куйбышевым «для совершенно секретного пересмотра персонального состава правлений трестов»³. Комиссия опиралась в основном на данные ГПУ⁴ о работе членов правления 28 московских трестов. В руководство этих трестов входили 137 членов правлений, в том числе 69 членов партии и 68 беспартийных⁵. Эти две группы сильно различались по технической подготовленности и социальному составу. Так, имели высшее и среднее техническое образование в первой группе три человека, а во второй – 39. В составе группы беспартийных было 25 бывших собственников, совладельцев, акционеров, причем из них 11 человек работали в правлениях трестов, в которые входили их бывшие предприятия.

В подготовленном секретариатом комиссии докладе признавались успехи тех трестов в налаживании производства, которые возглавляли опытные беспартийные специалисты. Однако все эти успехи были, по мнению авторов доклада, использованы руководством трестов не в интересах государства, а для частного рынка и собственного обогащения. В доказательство приводились цифры о большом удельном весе продукции, отпускавшейся частным фирмам. Эти явления авторы доклада объясняли недостаточным числом коммунистов в составе правлений трестов и тем, что нередко эти коммунисты не соответствовали партийным требованиям, поскольку шли на поводу у беспартийных руководителей трестов.

В середине марта Куйбышев направил доклад в Оргбюро ЦК. В его выводах предлагалось заменить беспартийных руководителей трестов «испытанными и устойчивыми членами РКП(б)»⁶. Речь шла не просто о замене беспартийных спецов коммунистами, а о подборе таких партийцев, которые были способны беспрекословно следовать директивам партийных органов. Но в том же докладе приводились примеры того, как испытанные члены партии в силу своей неподготовленности к хозяйственной деятельности допускали убыточные торговые операции и позволяли окружающим их жуликам совершать различные правонарушения. Так, в докладе резко критиковалась деятельность Солесиндиката, отмечался неумелый подбор работников, отсутствие торгового чутья, крупнейшие растраты денег и материальных ценностей. Председателем правления Солесиндиката был член коллегии ВЧК в период Гражданской войны М. Лацис. После окончания войны он перешел на хозяйственную работу, но, как известно, бывших чекистов не бывает. Когда осенью 1922 г. наметился отход от ленинского курса на привлечение беспартийных спецов к управлению, его старые взгляды проявились вновь. В статье, опубликованной в «Правде» 30 сентября, Лацис с негодованием писал, что бывшие собственники проникают в правления трестов, и объяснил это попу-

² Государственный архив Российской Федерации (ГФРФ), ф. 5446, оп. 31, д. 111, л. 186.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 163, д. 306, л. 4.

⁴ ГПУ – Главное политическое управление, в которое была реорганизована ВЧК в феврале 1922 г.

⁵ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 540, л. 32.

⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 3429, оп. 6, д. 77, л. 89.

стительство желанием государственных органов «строить перед Европой из себя страну “законных норм”». Он призывал: «Пора этому положить конец. Довольно из себя строить благородных рыцарей, пора показать зубы. Иначе – съедят». Несмотря на отмеченные недостатки в работе синдиката, в заслугу Лацису ставилось создание аппарата, «обеспеченного коммунистическим кадром».

13 апреля Оргбюро ЦК приняло с некоторыми поправками постановление по докладу Куйбышева. В частности, впредь назначение председателей центральных трестов должно обязательно согласовываться с ЦК, а при ЦК предполагалось образовать специальную комиссию для формирования правлений трестов под руководством секретаря ЦК в составе заведующего Учраспредом ЦК, председателя ВСНХ и секретаря ВЦСПС. Этот курс был подтвержден на состоявшемся через неделю XII съезде партии. В докладе на съезде генсек ЦК компартии И. Сталин сказал: «Работа Учраспреда должна быть развернута вовсю, чтобы дать партии возможность управляющие органы наших основных предприятий укомплектовать коммунистами и тем осуществить руководство партии госаппаратом» (Двенадцатый съезд РКП(б), 1968, с. 50). В резолюции съезда по отчету ЦК подбор кадров хозяйственников был назван «труднейшим делом» и объяснялось почему: «Партия вынуждена иметь в виду не только строгую партийность, партстаж и т.п., но и хозяйственную практичность и деловитость. Оба эти критерии не всегда легко объединяются в одном лице. Приходится поступаться то тем, то другим» (там же, с. 673). Эта дилемма возникла из-за того, что был проигнорирован ленинский подход – исходить только из одного критерия: *деловых качеств*.

Через несколько дней после окончания съезда Политбюро освободило Богданова от обязанностей председателя ВСНХ, оставив его на некоторое время заместителем председателя. Одновременно начался процесс замены беспартийных коммунистами в правлениях трестов и в руководстве предприятий. Среди членов партии были способные, которые постепенно обучались, но процесс их обучения дорого стоил стране, так как в этот период они совершали много ошибок. Такой подбор кадров стал одной из причин низкой эффективности государственной промышленности и высоких цен на ее продукцию.

Для роста современной российской экономики также первостепенное значение приобретает отбор компетентных руководящих кадров в государственном секторе, обладающих специальными знаниями в конкретной отрасли. Сейчас у нас нет подбора кадров по принципу принадлежности к правящей партии, но зато широко распространен nepoтuзм. В результате снижается качество управленческих решений.

Контроль или производство

Замена опытных беспартийных специалистов неподготовленными коммунистами во главе трестов послужила дополнительным аргументом для жесткого контроля над ними. Обоснование необходимости контроля дал близкий к Сталину руководитель Техпроминспекции (ТПИ) НК РКИ⁷ А. Трояновский. В предисловии к обследованию РКИ «Наша трестированная промышленность» он писал: «Во всей работе нашей промышленности требуется не только глаз, но и приказ. Рассчитывать на одну хозяйственную мудрость руководителей трестов не приходится. Мало также одних средств экономического воздействия через

⁷ НК РКИ – Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции, возглавлявшийся несколько лет Сталиным, осуществлял контроль над государственным сектором экономики.

кредиты, торговлю и государственные заказы. Экономические центры должны быть наделены соответствующими административными правами на деле, а не на словах, осуществляемыми» (Грояновский, 1922, с. VI). Необходимость использовать административные методы автор выводил из особенностей положения предприятий при НЭПе: «Разделенная на самостоятельные и независимые тресты государственно-капиталистическая промышленность, не имея подвижности и приспособляемости подгоняемого жаждой прибыли частного капитала, в то же время лишается преимуществ организованности и планомерности единого государственного хозяйства». Военный коммунизм показал, что особых преимуществ единое государственное хозяйство не имело. А вот что касается указания на недостатки государственного капитализма, то в нем было рациональное зерно, заключающееся в низком уровне экономической ответственности предприятий в надежде на помощь государства. Однако упование на усиление административного надзора для повышения эффективности работы предприятий было иллюзорным, лучше было не препятствовать развитию между ними конкуренции.

Работники РКИ показали малую пригодность к работе в условиях НЭПа. Тем не менее, Ленин предлагал использовать НК РКИ в качестве главного аппарата заместителей председателя Совнаркома и СТО⁸ для надзора и проверки работы государственного аппарата член Политбюро председатель Реввоенсовета Л. Троцкий в своем отзыве на его предложение назвал Рабкрин не пригодным для выполнения поставленных Лениным задач, ибо там работают «главным образом потерпевшие аварию в других отраслях. Отсюда, между прочим, вытекает чрезвычайное развитие интриганства в органах Рабкрина»⁹. Троцкий отметил фантастичность плана поднять государственный аппарат, пользуясь Рабкрином как рычагом.

В своем ответе на эти замечания Ленин подчеркнул: «При нашей отчаянной “ведомственности” даже среди лучших коммунистов, при низком уровне служащих, при интриганстве внутриведомственном (хуже всякого рабкриновского) нельзя обойтись без Рабкрина сейчас» (Ленин, 1982, с. 180). Он признавал низкий уровень подготовки большинства сотрудников НКРКИ и предлагал значительно сократить их число, подобрав высококвалифицированных специалистов, которые должны были улучшать работу всего государственного аппарата. Эту свою мысль он развивал в своих последних статьях в конце 1922 г. — начале 1923 г., когда уже тяжело болел. Троцкий остался при своем мнении. В середине декабря 1922 г. он писал: «В условиях рыночного хозяйства “рабоче-крестьянская инспекция” есть абсолютнейшая и безусловнейшая чепуха, а бухгалтерия — все. Сейчас рабоче-крестьянской инспекцией является рабочий и крестьянский рынок. Это инспекция твердая, деловая, не обманная»¹⁰. Однако Троцкий не выступал публично с критикой предложений Ленина.

Эту миссию взял на себя нарком внешней торговли Л. Красин, который обладал большим практическим опытом руководящей работы на инженерных должностях в России и в Германии, а с 1912 г. возглавлял филиал немецкой фирмы «Сименс-Шуккерт» в России. В статье «Контроль или производство», опубликованной в «Правде» 24 марта 1923 г., Красин указывал, что «в период гражданской войны и “военного коммунизма” появилось всезнайство и презрение к какому-либо вообще знанию и в еще большей степени специальному уме-

⁸ СТО — Совет труда и обороны, комиссия СНК, призванная координировать деятельность ведомств.

⁹ РГАСПИ, ф. 669, оп. 1, д. 2, л. 22.

¹⁰ ГАРФ, ф. 5446, оп. 55, д. 195, л. 92.

нию... Именно наши контролирующие и инспектирующие органы и являются главным убежищем для всех этих всезнаек». Главная причина бюрократизма, по его мнению, заключалась именно в раздутой системе контроля и обилии всяких инспектирующих и наблюдающих органов. Рассматривая ленинскую идею перевести в органы контроля лучших специалистов, чтобы они обучали других управленцев, Красин замечал, что такой перевод ослабит и без того бедные квалифицированными силами производственные органы и в то же время может привести к их деквалификации. Он утверждал: «Всякий специалист, даже очень хороший, переходя в ведомство государственного контроля, уже через немного лет превращается в старую калошу, в чиновника, отстающего в своей специальности». Поднимать производство, по его мнению, следовало улучшением условий жизни и работы специалистов, созданием атмосферы доверия к ним, а не усилением контроля и надзора. Ссылаясь на опыт производства и контроля в передовых европейских концернах, Красин писал, что там, «если дело идет плохо, меняют директора, но не создают специального контрольного органа и не возлагают на него задачи научить людей производству».

Эта статья подверглась резкой критике. Автора обвиняли в том, что он торопится заменить политику хозяйством. Отвечая на эту критику, Красин в новой статье, опубликованной 15 апреля 1923 г. в «Правде», призвал выбросить из головы «несуразную мысль, будто бы надо заниматься политикой, а не хозяйством, или будто бы к любому производству можно подойти и любую фабрику наладить, если послать туда десяток коммунистов, прекрасно воспитанных политически, но не имеющих никакой выучки в данном ремесле или в данной отрасли». Он обратил внимание на негативное влияние, которое усиление контроля оказывало на всю политику НЭПа: «Усилением контроля вы губите, прежде всего, государственный капитализм».

На практике контроль ужесточился после кризиса сбыта, происшедшего осенью 1923 г., который партийные власти связали с чрезмерной самостоятельностью трестов и синдикатов. Участились проверки и ревизии предприятий со стороны партийных комитетов и органов РКИ. Этот процесс с теми или иными колебаниями шел и дальше. В результате к середине 1926 г. сложилась ситуация, которую председатель ВСНХ и ОГПУ Ф. Дзержинский хорошо описал на страницах «Правды»: «Глубоко идущее вмешательство регулирующих органов в текущую оперативно-административную работу трестов лишает их необходимой самостоятельности. В свою очередь, взаимоотношения трестов с заводами, основанные на непосредственном, централизованном оперативном управлении, связывают самодеятельность предприятий. Мелочная опека, необходимость получения санкции на каждый предпринимаемый шаг парализует инициативу и затрудняет возможность маневрирования. Предприятие заваливается требованиями самых разнообразных сведений, отчетов, статистических данных, образующих в итоге бесконечный бумажный поток, который заставляет содержать раздутые штаты и в котором тонет живое дело»¹¹.

Не удалось изменить тенденцию к бюрократической централизации и председателю Совнаркома А. Рыкову, у которого с середины 1926 г. стали обостряться разногласия со Сталиным. В своем докладе на XV конференции ВКП(б) в октябре 1926 г. он говорил о том, что сложившаяся система управления хозяй-

¹¹ «Правда», 23 июня 1926 г.

ством «покоится на такой централизации, которая исходит из недоверия к каждому нижестоящему звену» (XV конференция ВКП(б), 1927, с. 117). Ее следствием является «система бесконечных и бестолковых ревизий и контролей, связанная в то же время с отсутствием ответственности» (там же, с. 120). По его мнению, такая система не могла эффективно решать задачи индустриализации, потому что вызывала в больших масштабах бесполезную растрату средств и времени, не позволяла рационально использовать имеющиеся ресурсы.

В наши дни, как и при НЭПе, наблюдается жесткий надзор над деятельностью предприятий как частных, так и государственных со стороны контрольных органов. Такой контроль призван не только обеспечить соблюдение законов, но и побудить предприятия повышать эффективность работы. Однако более надежным путем для достижения этой цели является создание равных условий конкуренции. В современных условиях во многих случаях преимущества получают те руководители предприятий, которые имеют в правящих кругах надежные связи, позволяющие получать преференции. Это порождает рост монополизма с присущими ему негативными последствиями. Следовательно, ослабление контроля должно сочетаться с созданием равных условий конкуренции.

Борьба с инфляцией и экономический рост

Перевод экономики на рыночные рельсы потребовал оздоровления денежного обращения. На первый план выдвинулось создание предпосылок для снижения инфляции, стабилизации отечественной валюты. Эта задача была решена путем проведения денежной реформы на основе использования оригинальной идеи параллельной валюты — наряду с падающим совзнаком был введен твердый червонец. Успешное ее проведение в трудных условиях за сравнительно короткий срок — страна получила единственную твердую валюту весной 1924 г. — является наибольшим достижением НЭПовской экономики. Можно выделить несколько организационных факторов этого успеха. Прежде всего были привлечены лучшие специалисты в области денежного обращения. Показательным примером может служить назначение крупного государственного и общественного деятеля дореволюционной России Н. Кутлера членом правления Государственного банка, воссозданного осенью 1921 г.¹²

Большинство крупных финансистов и экономистов не уехали после революции из России, они были в курсе последних достижений зарубежной науки, но стремились использовать их творчески, сообразуясь с условиями страны. Важную роль сыграл Сокольников, поддержавший идею параллельной валюты. Успешному проведению реформы способствовала и ее поддержка на высшем уровне управления. Политбюро считало приоритетом стабилизацию денежного обращения. Такая поддержка была необходима, потому что, после того как с ноября 1922 г. Государственный банк начал эмитировать червонцы, работники промышленности и других отраслей стали требовать увеличения их кредитования. Наркомфин и Госбанк настаивали на том, чтобы бюджетные расходы и кредитование не достигали размеров, которые могли усилить инфляцию, угрожавшую проведению денежной реформы.

¹² Н. Кутлер был одним из ближайших сотрудников министра финансов С. Витте, он работал в министерстве около 20 лет, занимал различные должности, вплоть до товарища (т.е. заместителя) министра. Около полугода в 1905–1906 гг. он был министром земледелия в правительстве Витте, позднее был избран депутатом Государственной думы от Петербурга, став одним из лидеров кадетской партии, в 1912 г. он стал председателем совета горнопромышленников Урала.

Снижать инфляцию посредством сокращения бюджетных расходов и кредитования – самый простой, но отнюдь не оптимальный путь, если помнить о необходимости роста экономики. Нахождение баланса в решении этих задач было в центре внимания бюджетной политики. Этим вопросам был посвящен пленум Госплана в июле 1923 г. На пленуме критиковался Наркомат финансов за механическое сокращение расходов, не учитывающее экономических взаимосвязей. Отвечая на эти упреки, зам. наркома финансов М. Владимиров признал, что Наркомфин иногда подходил упрощенно к сокращению расходов, количественная сторона имела для него решающее значение. Он заявил, что придется перейти к гораздо более положительному качественному анализу и назвал «ультимативнейшей задачей» согласование качества и количества.

Речь шла о выборе в рамках финансовых ограничений наиболее важных потребностей страны, с тем чтобы конструкция бюджета поощряла ее экономическое развитие. Владимиров подчеркивал: «Задача нащупать самое больное, без чего наша промышленность развиваться не может – это является одной из самых сложных и ответственных задач»¹³. В этой связи на пленуме Госплана была высказана мысль о допустимости бюджетного дефицита при условии такого направления средств, которое приведет в ближайшем будущем к значительному росту доходности народного хозяйства.

Финансисты, признавая допустимость дефицита, полагали, что его величина не может быть чрезмерной и существует определенный пороговый уровень бюджетного дефицита, ниже которого может быть здоровое денежное обращение. Теоретически определить этот уровень не представлялось возможным, и только практика могла подсказать, какой уровень является приемлемым.

Аналогично поиску оптимального уровня бюджетных расходов обсуждался возможный предел кредитования. Эта проблема была вызвана кризисом сбыта товаров легкой промышленности, который развивался на протяжении 1923 г. и обострился осенью. Одной из его причин было чрезмерное кредитование государственных предприятий и кооперации. Возникает естественный вопрос, как в условиях рыночной экономики при свободных розничных и оптовых ценах мог развиваться кризис сбыта. Казалось бы, при первых признаках затруднений в сбыте можно было незамедлительно снизить цены и тем самым увеличить сбыт. Спрос крестьянства на промтовары начал снижаться с начала 1923 г., вследствие того что цены на промышленные товары стали расти быстрее цен на сельскохозяйственные. Несмотря на снижение спроса, промышленные цены продолжали расти. Управляющий ЦСУ П. Попов на заседании Президиума Госплана в феврале 1923 г. так объяснял причины этого явления: «Причина этого странного явления (рост цен при кризисе сбыта) лежит в том, что это кризис промышленности, состоящей хотя бы в скрытой форме на государственном снабжении. Во время нашего кризиса товары не выбрасываются на рынок по низким ценам, а хранятся в складах, а банки снабжают промышленность ссудами, погашение которых происходит весьма медленно и очень часто и совсем не погашаются. Благодаря этому бремя кризиса промышленности переносится всецело на государство»¹⁴.

Работники промышленности оправдывали повышение цен необходимостью обеспечить процесс воспроизводства в условиях многолетнего амортизационного провала в период войны. Заминку со сбытом они надеялись преодолеть

¹³ РГАЭ, ф. 4372, оп. 1, д. 141, л. 39 об.

¹⁴ ГАРФ, ф. 5446, оп. 55, д. 318, л. 8.

благодаря ожидавшемуся росту доходов крестьянства после реализации хорошего урожая 1923 г. Для этого надо было заранее развернуть промышленное производство, чтобы к осени снабдить деревню товарами. В мае–июне 1923 г. было увеличено кредитование государственной промышленности, торговли и кооперации. Задолженность государственной промышленности банкам за эти два месяца возросла на 67% (Дезен, 1925, с. 140). Этот рост был обеспечен дополнительной эмиссией червонцев Государственным банком. Полученный кредит позволил трестам расширить производство при сохранении высоких цен. Свою продукцию тресты продавали органам оптовой торговли в кредит, получая взамен векселя, которые учитывали в банках. В то же время синдикаты, которые стали образовываться в некоторых отраслях для координации торговой деятельности трестов и на практике ослабили конкуренцию между ними, получили благодаря кредиту возможность поддерживать такие цены.

Надежды на рост спроса со стороны крестьянства с началом реализации урожая не оправдались, из-за того что цены на сельскохозяйственную продукцию стали падать. Крестьяне стали еще больше сокращать покупки промышленных товаров государственной промышленности. Замедление сбыта по цепи от розницы к оптовым звеньям, где главную роль играла потребительская кооперация, привело к падению оборотов оптовой торговли. В августе–сентябре промышленные и торговые предприятия оказались заваленными запасами товаров, которые не находили сбыта в розничной сети. Более гибкой была частная оптовая торговля, цены в которой в период кризиса сбыта были ниже, чем в государственной торговле и кооперации. Показательно, что частная торговля значительно раньше государственной и кооперативной заметила приближение кризиса сбыта. Уже в июле 1923 г. число сделок частных фирм на Московской товарной бирже значительно сократилось, в то время как государственные органы и кооперация спешили сделать громадные закупки в расчете на хороший урожай. При более высоком удельном весе частной оптовой торговли кризис сбыта был бы слабее, но с начала 1923 г. был взят курс на ее ограничение.

Когда прошел срок оплаты по векселям, выяснилось, что денег не хватает. Государственный банк стал требовать возврата кредитов, потому что дальнейшая эмиссия червонцев могла лишить их устойчивости и поставить под угрозу проведение денежной реформы. Сокольников в августе предложил ограничить кредит тем трестам, которые ведут политику повышения цен: «Нельзя терпеть такое положение, чтобы тресты повышали цены не считаясь с возможностями реализации продукции и заменяли извлечение средств с рынка извлечением средств из банков»¹⁵. Без кредитной помощи многие торговые предприятия оказались не в состоянии платить по своим векселям, эти неплатежи повлекли за собой ухудшение финансового положения их кредиторов – промышленных предприятий. Возникли трудности с выплатой заработной платы, что повлекло за собой забастовки на крупных предприятиях. Еще сильнее пострадали кооперативные организации. Широких масштабов достиг протест векселей.

В этой ситуации правительство приняло решение прийти на помощь крупным трестам и кооперации. Были отсрочены платежи по кредитам, уменьшена общая задолженность. Фактически эта помощь производилась за счет эмиссионных средств государственного банка, причем крупные предприятия так и не

¹⁵ РГАСПИ, ф. 670, оп. 1, д. 30, л. 65.

возвратили ему основную часть полученных кредитов, которые вошли в постоянную часть их оборотных средств.

Кризис сбыта стал с декабря 1923 г. проходить под влиянием снижения оптовых промышленных цен по указанию властей, в октябре–ноябре они упали на продукцию текстильной промышленности на 18,6% (Промышленность СССР ..., 1925, с. ЛШ). Одновременно возросли цены на хлеб благодаря большим государственным закупкам хлеба на экспорт, что привело к увеличению доходов крестьян. В результате в деревне возрос спрос на промышленные товары. Оживление розничной торговли привело в декабре к заметному росту оптовых сделок.

Государственная помощь предприятиям была необходима в период кризиса сбыта, она позволила купировать кризис, ограничить срок его действия. В то же время ее побочным действием явилось дальнейшее укрепление уверенности государственных предприятий в том, что государство всегда придет на помощь. Это мешало воспитанию рыночного поведения, соответствующего принципам НЭПа, и угрожало повторением кризисных явлений. Орган Наркомфина журнал «Вестник финансов» сделал важный общий вывод: «Надо отрешиться от стремления строить благополучие всей хозяйственной жизни на государственной казне» (Голанд, 2006, с. 539).

Выводы из кризиса сделал и английский журнал «Economist». 1 декабря 1923 г. он опубликовал статью «Кризис государственного капитализма в России». Эта статья была написана на основе изучения автором дискуссии в советской печати о развитии кризиса и его причинах. Он рассматривал кризис результатом всей системы государственного капитализма: «Капиталистические по форме, государственные тресты и другие хозорганы, безусловно лишены того, что называется капиталистическим духом и являются слабым подобием частной инициативы и ответственности... Единственным выходом из состояния депрессии было бы возвращение к свободной конкуренции во всех областях промышленности и торговли и отказ от государственного капитализма, который по существу является той же национализацией»¹⁶.

Любопытно совпадение оценки госкапитализма английским журналистом и ответственным сотрудником РКИ Трояновским, которого я процитировал в предыдущем разделе. Только выводы они делали противоположные. Обе эти крайности власти России в то время отвергли. Хотя государственное регулирование после кризиса сбыта усилилось, но и рыночные отношения сохранились.

Весной 1924 г. успешно завершилась денежная реформа. Денежно-кредитная политика на базе твердой валюты была существенно смягчена. За период с 1 апреля 1924 г. по 1 января 1925 г. денежная масса увеличилась почти на 90% при стабильном уровне цен, что стало возможным благодаря замедлению скорости обращения при переходе от падающего совзнака к твердой валюте (Голанд, 1998, с. 100). Этой стабильности способствовало также увеличение предложения промышленных товаров на рынке. Ежемесячный физический объем продукции государственной промышленности непрерывно рос с июля 1924 г. За полугодие с 1 октября 1924 г. по 1 апреля 1925 г. объем промышленности вырос по сравнению с предыдущим кварталом в 1,5 раза, причем легкая промышленность восстанавливалась быстрее, чем тяжелая. В этот период денежно-кредитная политика позволила сочетать низкую инфляцию с высокими темпами экономического роста.

¹⁶ ГАРФ, ф. 5446, оп. 55, д. 283, л. 3, 4.

Мягкая денежно-кредитная политика во второй половине 1925 г. привела к другим результатам. Летом были приняты нереальные планы хозяйственного развития, прежде всего путем значительного увеличения инвестиций в тяжелую промышленность. Промышленные предприятия, готовясь к большим капитальным работам, направили часть своих оборотных средств на заготовку необходимых для строительства материалов. Имобилизация собственных оборотных средств влекла за собой увеличенный спрос на банковские кредиты в размере, который вызвал кредитно-денежную инфляцию. Розничные цены на промышленные товары за период с 1 июля по 1 декабря выросли на 15% (Юровский, 2008, с. 421).

Для борьбы с инфляционными явлениями банки были вынуждены ограничить кредитование народного хозяйства. Начались финансовые затруднения у промышленных предприятий, некоторые из них не могли вовремя выдать заработную плату. Жизнь показала опасность принятия нереальных планов развития, которые кажутся сбалансированными только на бумаге, а попытка их выполнить за счет чрезмерной кредитной эмиссии вызывает инфляцию. Можно сделать вывод, что определение допустимой степени мягкости денежно-кредитной политики зависит от того, на какие цели направляются денежные средства. Пришлось пересмотреть летние планы экономического развития, привести их в соответствие с возможностями страны и ужесточить денежно-кредитную политику. С мая 1926 г. на протяжении примерно полугода товарные цены не росли, и рост промышленности (хотя и не такой высокий, как это планировалось летом) сочетался с низкой инфляцией.

Однако в 1927 г. положение снова изменилось. Возобновилось стремление ускорить развитие промышленности, стали развиваться капитальные работы, превышающие реальные возможности и основанные на кредитной эмиссии. Государственный банк в своем отчете за 1926/27 год писал: «В условиях крайней недостаточности резервов всякие просчеты и прорывы в отдельных отраслях народного хозяйства фактически корректируются за счет эмиссии, т.е. приводят к тому, что расширение денежного обращения оказывается подчиненным задаче развития кредита»¹⁷. Это было важное замечание. Если перед Государственным банком ставится задача обеспечения экономического роста, а не только борьбы с инфляцией, тогда денежно-кредитную политику нельзя рассматривать в отрыве от экономического курса в целом и инвестиционной политики в особенности. Фактически руководство страны стало рассматривать высокие темпы экономического роста как безусловный приоритет, отодвигая на второй план борьбу с инфляцией.

Опыт денежно-кредитной и валютной политики при НЭПе особенно полезен, потому что тогда в России работали специалисты мирового уровня. Если при НЭПе было понимание того, что борьба с инфляцией путем сокращения бюджетных расходов может негативно сказаться на экономическом росте, то в современных условиях, несмотря на профицит бюджета, наблюдается накопление излишних резервов в Фонде национального благосостояния. Вместо этого следовало бы найти такие направления вложения существенной части резервов, которые позволили бы ускорить экономический рост, не вызывая дополнительной инфляции.

¹⁷ ГАРФ, ф. 5446, оп. 55, д. 1388, л. 67.

Стабильный обменный курс отечественной валюты или девальвация

С денежно-кредитной политикой было тесно связано валютное регулирование, и прежде всего – установление обменного курса иностранной валюты. С самого начала выпуска червонца официальное его отношение к доллару было установлено по довоенному золотому паритету (1 долл. = 1,945 руб.), хотя внутренние промышленные цены в России выросли по сравнению с довоенным временем сильнее, чем в США. На вольном рынке курс также ориентировался на официальный, поскольку денежные власти с помощью валютных интервенций стремились не допустить значительного разрыва между ними. Когда во второй половине 1925 г. начался рост внутренних цен, то углубился разрыв между обменным курсом и покупательной силой червонца и стала обсуждаться идея девальвации. Критикуя ее, начальник валютного управления Наркомфина Л. Юровский писал в ноябре 1925 г.: «Понижение курса вовсе не было бы восстановлением нарушенного в одном месте равновесия, а было бы следствием и одной из сторон нарушения равновесия всей системы. Идея понижения курса поэтому практически есть не исправление существующего денежного обращения, а связана с политикой инфляции» (Юровский, 1926, с. 107) Тем не менее, Юровский считал, что еще можно не допустить пересмотра курса рубля, а вместо этого изменить хозяйственные планы и вести осторожную кредитную политику, для того чтобы преодолеть инфляционные тенденции и постепенно снизить цены. В ноябре 1925 г. такие решения и были приняты руководством страны.

Но спустя два месяца в официальных кругах появилась идея отказаться от валютных интервенций на внутреннем рынке из-за тяжелого валютного положения страны. Правда, о девальвации речь еще не шла. Однако отказ от валютных интервенций фактически и означал падение курса рубля, по крайней мере на валютном рынке. По просьбе Рыкова Юровский написал специальную записку о значении мер, направленных на поддержание курса червонца на внутреннем валютном рынке. Рассматривая предлагавшееся предложение сохранить твердый паритетный курс в области внешних расчетов, т.е. государственной и кооперативной внешней торговли, отказавшись от интервенции на внутреннем рынке, Юровский замечал, что это приведет к разрыву между официальным и свободным курсом рубля. В результате возникали бы различные негативные последствия, наиболее тяжелым из которых было бы падение доверия к червонцу. Население стало бы считать его обесценивающейся валютой и выбрасывать сбережения на рынок, желая превратить червонцы в валютные ценности или по крайней мере в товары.

Что же противопоставлялось этому негативному сценарию? Анализируя тезис о том, что снижение курса червонца повышало рентабельность экспорта и создавало условия для его роста, Юровский подчеркивал, что увеличение экспорта предполагается за счет повышения цен на экспортируемые товары. А в случае девальвации и официального курса, используемого во внешнеторговых расчетах, выросла бы и стоимость импортируемых товаров. Следовательно, надо или согласиться на снижение реальной зарплаты рабочим, что тогда отвергалось по политическим причинам, или повысить номинальную заработную плату, чтобы скомпенсировать рост цен. А это означало бы рост себестоимости всех

товаров и общее повышение цен. В результате снова возник бы разрыв между курсом и покупательной способностью червонца.

Аргументы Юровского не были восприняты в должной мере, по инициативе Сталина было решено использовать для снижения расходов на валютные интервенции административные меры против валютчиков. В феврале они были арестованы в Москве и других крупных городах, где проводились интервенции. Объем интервенций резко сократился, а через несколько месяцев интервенции были прекращены и легальный свободный валютный рынок был запрещен. Граждане могли покупать инвалюту по официальному курсу в рамках установленных норм при разрешенных поездках за границу. Ликвидация свободного валютного рынка означала удар по НЭПу и имела глубокие отдаленные отрицательные последствия.

Идея девальвации официального курса не исчезла бесследно. Она вновь ожила в 1928 г., когда страна погрузилась в острый общеэкономический кризис, прежде всего – кризис хлебозаготовок. Для получения хлеба против крестьян были применены чрезвычайные меры, знаменовавшие отход от НЭПа. Упал экспорт сельскохозяйственных продуктов и резко ухудшилось валютное положение страны.

В начале августа 1928 г. нарком торговли А. Микоян направил в Политбюро записку о необходимости изменения курса червонца. В ней он предложил девальвировать его на 30% с целью устранить убыточность экспорта. На записку Микояна в Политбюро спустя две недели поступил отзыв Наркомфина, подготовленный Юровским и подписанный наркомом финансов Н. Брюхановым и двумя его заместителями. Финансисты соглашались с тем, что для населения важнее товарные цены, чем курс доллара, но если правительство снижает курс червонца на одну треть, то это не безразлично для держателя червонца: «При недостатке (а то и отсутствии) муки, крупы, масла, тканей, строительных материалов и т.д. нельзя аргументировать тем, что внутри страны важны не валютные курсы, а индексы товарных цен»¹⁸. Как отмечалось в отзыве Наркомфина, при таком стимулировании экспорта положение на внутреннем рынке могло бы еще больше ухудшиться. В записке признавался разрыв между курсом и покупательной силой червонца, возросший после ускорения инфляции, начавшегося летом 1927 г., но для его снижения предлагалось проводить политику, обеспечивающую реальное снижение общего уровня цен. Авторы подчеркивали: «Опыт почти всего 1926 г. и начала 1927 г. показал, что подобная политика вполне возможна, и нам необходимо возвратиться к ней»¹⁹. Надежды на возможность такого поворота породило решение июльского 1928 г. пленума ЦК компартии об отмене чрезвычайных мер, но они были иллюзорными, как вскоре выяснилось.

Эта записка, как и записка Микояна, была разослана секретариатом ЦК всем членам партийного руководства. Решающую роль в разрешении спора между Микояном и Брюхановым сыграл Сталин. Он в это время отдыхал на юге, но постоянно получал важные документы из Москвы. В письме к секретарю ЦК В. Молотову он высказался против предложения Микояна: «Для данного момента предложения Брюханова приемлемы, несмотря на неправильность ряда аргументов в его запи-

¹⁸ РГАСПИ, ф. 84, оп. 2, д. 6, л. 128. (+название документа)

¹⁹ Там же, л. 134.

ходимость соблюдения законных норм деятельности иностранных инвесторов. Он писал: «В одном из моих интервью я говорил о концессиях: стол с яствами накрыт, но гости почему-то не идут. Иностранная печать ответила: если стол с яствами накрыть в разбойничьей берлоге, никто туда не пойдет, ибо будет уверен, что его там ограбят или убьют»²².

Главным камнем преткновения на пути к достижению договоренности на Конференции стала проблемы компенсации иностранным собственникам национализированных после Революции предприятий. Советское руководство отвергало принцип компенсации, полагая, что Революция зачеркнула все обязательства перед собственниками как отечественными, так и иностранными. Руководители западных стран утверждали, что Революция не может затронуть иностранных владельцев, которые настаивали на реституции, т.е. возврате собственности. В качестве компромисса в директивах Политбюро советской делегации предлагалось предоставить бывшему владельцу предпочтительное право получать в концессию его предприятия, а если он отказывается, то теряет право на какую-либо компенсацию. Но обязательным условием компромисса назывался «немедленный крупный заем (примерно миллиард долларов)» (Ленин, 1999, с. 534) Это условие в таком конкретном размере, равном 2 млрд золотых руб., было в принципе невыполнимым: правительства европейских стран в то время не имели столько свободных средств. Эта большая сумма был сопоставима с оценкой экспертами советской делегации общей суммы иностранного капитала в России перед Революцией – 3,2 млрд руб. (Голанд, 2006, с. 194). Дополнительные кредиты можно было бы получить на финансовом рынке или от тех предпринимателей, которые были бы готовы прийти в Россию. Но эти деньги можно было привлечь только при условии создания в мире атмосферы доверия к стране.

В ходе переговоров наметились было компромиссные способы решения, признающие необходимость компенсации. На ее согласованную сумму и довоенные долги предлагалось выпустить российские государственные ценные бумаги, платежи по которым должны были начаться через 10–15 лет. В случае принятия этого предложения советским руководством некоторые западные страны, в частности Великобритания, соглашались признать советское правительство де-юре. Однако Политбюро отказалось признать принцип компенсации без получения займа, и в ответ западные страны ужесточили свою позицию. Руководство страны исходило из того, что позднее можно будет получить более выгодные условия соглашения с Западом, так как тот сильно заинтересован в таком соглашении. Опирались при этом на довоенный опыт, когда Россия представляла собой большой рынок для европейских товаров и источник поступления в Европу сельскохозяйственной продукции и промышленного сырья. Но ситуация к этому времени уже изменилась. Так, американская газета «Evening Post» писала об этом в конце конференции: «Русские должны распрощаться с иллюзией, будто весь прочий мир нуждается в приведении России в порядок для того, чтобы жить... Не столько Россия необходима для всего прочего мира, сколько прочий мир для России»²³.

Конференция в Женеве завершилась без достижения договоренности. Также безрезультатно в июле завершилась конференция экспертов в Гааге, обе стороны не показали готовности идти на компромисс. После провала этих

²² Там же, л. 9.

²³ РГАСПИ, ф. 323, оп. 2, д. 57, л. 302.

конференций еще важнее стало ускорение реализации курса на концессии. Ключевым здесь являлись переговоры с крупным английским промышленником Л. Уркартом²⁴ о предоставлении ему концессии на его бывшие предприятия. Они были впервые начаты между Уркартом и Красиным еще в июне 1921 г. в Лондоне, а в августе он приехал в Москву и около трех недель вел переговоры с правительственной комиссией. Стороны не смогли прийти к соглашению, как говорил Ленин, из-за «чрезмерной алчности» Уркарта. Осенью 1921 г. СТО создал комиссию по обследованию ранее принадлежавших Уркарту предприятий во главе с членом ЦК профсоюза горнорабочих И. Михайловым. В марте 1922 г. он направил Ленину записку, в которой высказался против предоставления концессии. Он утверждал, вопреки мнению специалистов-членов комиссии, что Россия может самостоятельно восстановить предприятия.

Уркарт, входивший в состав английской делегации в Гааге, в августе 1922 г. предложил возобновить переговоры о его концессии. 21 августа Красин встретился в Горках под Москвой с Лениным, который выздоравливал после приступа инсульта, случившегося в конце мая, и обсуждал с ним возобновление переговоров. На следующий день Ленин направил Сталину записку с советом начать эти переговоры. Еще через два дня на заседании Политбюро было заслушано сообщение Красина об общих условиях договора и признано необходимым его подписание, даже ценой материальных уступок. Дальнейшее ведение переговоров и заключение договора было возложено на Красина.

После его приезда в Берлин в конце августа в течение недели переговоры были завершены, и 6 сентября 1922 г. Красин отправил в Политбюро авиапочтой письмо, в котором изложил основные согласованные положения договора и подчеркивал важность заключения договора: «Без преувеличения можно сказать, что в заключении договора лежит сейчас узел нашей международной политики»²⁵. Никаких возражений из столицы не поступило, и 9 сентября договор был подписан. Подписание договора было с большим интересом встречено западными политиками и бизнесменами. Уркарт получил поздравительные телеграммы от премьер-министра Англии Ллойда Джорджа и министра торговли США Гувера. Газеты разных направлений признали договор важнейшим из всех заключенных Советской Россией. Советские торгпредства в Германии и Англии после заключения договора сообщали о значительном оживлении разного рода деловых переговоров. Этот договор открывал дорогу к заключению других серьезных договоров о концессиях.

Но радость была недолгой, так как стала задерживаться ратификация договора Совнаркомом, что было связано с изменением позиции Ленина. Ознакомившись с письмом от Красина от 6 сентября с изложением основных положений договора, он 12 сентября направил письмо в Политбюро, в котором высказался против утверждения договора, охарактеризовав его как «кабала и грабеж» (Ленин, 1982, с. 208). При этом он ссылаясь на мартовскую записку Михайлова, чья позиция была типична для противников курса на предоставления концессий. В их число входили профсоюзные и партийные работники, недо-

²⁴ Л. Уркарт по специальности – горный инженер, до революции около 10 лет работал в Баку, а затем на Урале и на Алтае. Незадолго до Первой мировой войны он возглавил Русско-Азиатское объединенное общество, которому принадлежали на правах собственности или аренды хорошо оборудованные медные рудники и медеплавильный завод в Кыштымском округе, угольные копи в Экибастузе, Риддерские рудники в Алтае, где добывались цинк и свинец, и полиметаллические месторождения в Танальке. Вскоре после революции они были национализированы.

²⁵ РГАПИ, ф. 5, оп. 2, д. 24, л. 11 уу.

статочно глубоко разбивавшиеся в экономике. Они видели в проекте договора прописанные в нем отчисления в пользу концессионера, но не осознавали те прямые и косвенные выгоды, которые концессия давала стране в целом. Зато они хорошо понимали отрицательное, по их мнению, идеологическое влияние на широкие слои населения, распространение буржуазных настроений под влиянием более высокой заработной платы на концессионных предприятиях. Еще одной социальной группой, сопротивляющейся использованию концессий, являлись руководители тех предприятий, которые должны были перейти к концессионеру. Тогда он поставил бы на их место знакомых ему еще по дореволюционному времени специалистов. Кроме того, концессионные предприятия, хорошо оборудованные и лучше управляемые, могли бы нанести государственным предприятиям поражение в конкурентной борьбе.

Сторонники концессии, понимавшие ее значение, предприняли большие усилия с целью предотвратить отказ от ратификации договора. 18 сентября Красин приехал к Ленину в Горки и беседовал с ним два с половиной часа о договоре. 23 сентября Чичерин обратился к Сталину с письмом, в котором писал: «С большим волнением я узнал о том, что возможно отклонение договора с Уркартом. Это было бы для Советской России катастрофой»²⁶. Мотивировал он такое утверждение тем, что отклонение договора надолго остановит приток иностранного капитала, прежде всего крупного, а также будет иметь неблагоприятные политические последствия. 26 сентября с аналогичным коллективным обращением по тому же адресу выступили руководители экономических ведомств.

В тот же день Красин направил Ленину справку о договоре, в которой обратил внимание на положительный эффект реализации концессии для разных отраслей экономики Урала и Сибири. Красин подчеркивал, что крупные концессии нужны не только для привлечения капитала, но и для появления в различных районах здоровых предприятий, «наряду с которыми и наши тресты и синдикаты не посмеют разгильдяйничать и должны будут подтянуться и перестроиться на действительно хозяйственную работу вместо пародии на нее так называемого «хозяйственного расчета»²⁷.

Под влиянием всех этих обращений отрицательное отношение Ленина смягчилось, и Политбюро не стало принимать окончательного решения, а включило вопрос о договоре в повестку дня очередного пленума ЦК компартии, проходившего с 5 по 7 октября 1922 г. Членам ЦК перед заседанием вместе с докладом Михайлова были разосланы материалы по договору сторонников ратификации Красина, Богданова и заместителя Наркоминдела Л. Карахана. К пленуму специальную записку также написал сторонник ратификации договора член ЦК партии К. Радек, который занимался в ЦК международными делами. В ней он поставил более широкий вопрос о судьбе НЭПа в случае отказа от ратификации: затормозится приток иностранного капитала, а это вынудит искать внутренние источники финансирования необходимых затрат. Взять их можно будет только у крестьян, увеличив на них налоги. Это может подорвать медленно восстанавливающееся сельское хозяйство, которое по замыслу НЭПа было призвано стать базой экономического возрождения страны.

Ленин в начале октября приступил к работе в Москве и 4 октября встретился с Михайловым. После этой встречи он написал Каменеву: «Сейчас видел Михайлова.

²⁶ РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 23, л. 60.

²⁷ Там же, л. 80.

Еще раз перевернулся. Я против концессии Уркарта» (Ленин, 1983, с. 292). На пленуме 5 октября он выступил за отклонение договора, но в качестве причины предложил назвать не недостатки договора, а «враждебную политику Англии в данный момент в жизненном для России вопросе о Дарданеллах» (Ленин, 1982, с. 554). Имелось в виду нежелание Англии допустить Россию на Международную конференцию в Лозанне по ближневосточным вопросам, намеченную на конец ноября. 7 октября Чичерину позвонил по поручению Ленина Каменев. Он сказал: «Владимир Ильич очень беспокоится, что с Уркартом будет окончательный разрыв и решительно настаивает, чтобы дверь к Уркарту осталась открытой»²⁸.

Но поезд уже ушел. Все эти ленинские колебания можно объяснить тем, что он надеялся добиться лучших условий для страны. Но уже вскоре подтвердилась старая истина: «лучшее – враг хорошего». Если бы Ленин, который одобрял идею использования концессий еще в 1920 г., не выступил с критикой договора, то Политбюро утвердило бы его сразу после подписания. И наоборот, его критика способствовала консолидации противников как этой концессии, так и всей концессионной политики. Показательны в этом отношении поправки Сталина к договору. Он предложил создать «специальный институт комиссаров (уполномоченных) Советского правительства при управляющих органах концессионера»²⁹. Понятно, что Уркарт никогда не принял бы такого предложения, при котором концессионер со своими менеджерами терял бы право управлять предприятием. Это была демонстрация нежелания заключать договор.

У Ленина в ноябре 1922 г. колебания прошли, и он определился в пользу заключения концессии с Уркартом. 14 ноября в письме русской колонии в Северной Америке Ленин писал: «К сожалению, введение государственного капитализма у нас не идет так быстро, как бы нам этого хотелось. До сих пор, например, мы фактически не имеем ни одной серьезной концессии, а без участия иностранного капитала в развитии нашего хозяйства быстрое восстановление его немыслимо» (Ленин, 1982, с. 297).

Однако официальные переговоры с Уркартом так и не возобновились, даже после того как в ноябре советское правительство получило приглашение на конференцию в Лозанну, т.е. была снята официальная причина отказа в ратификации. Сказалось новое обострение болезни Ленина 25 ноября. Как раз в этот день накануне отъезда в Лозанну на конференцию Чичерин запросил санкцию Политбюро на возобновление переговоров с Уркартом и получил отказ. Фактический отказ от концессии с Уркартом, несмотря на устранение политических причин, вызвал резкую реакцию на Западе, прежде всего в Англии. Заместитель наркома внешней торговли М. Фрумкин писал в конце января 1923 г. в Политбюро: «Наше политическое положение в Англии ухудшилось и ухудшается с каждым днем. В английской печати ведется травля Советской России с невиданной силой»³⁰. На английском рынке продавались основные товары российского экспорта (лес, нефть, лен), и Фрумкин предвидел ряд затруднений со стороны английского правительства.

Нежелание идти на заключение крупных концессионных договоров проявлялось и по отношению к другим проектам. Эта нежелание являлось частью общей внешней политики руководства. В отчетном докладе ЦК на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г., с которым выступил член Политбюро Г.Е. Зиновьев, говорилось:

²⁸ РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 27, л. 176.

²⁹ РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 55, л. 49.

³⁰ РГАЭ, ф. 413, оп. 2, д. 1617, л. 35.

«Чем дальше, тем меньше будет уступок, потому что страна выздоравливает, потому что мы начинаем справляться собственными силами» (Двенадцатый съезд РКП(б), 1968, с. 20). Справлялись как раз с трудом, медленно, ценой больших усилий. Красин в прениях по этому докладу заявил: «Можно было бы думать из доклада т. Зиновьева, что внешняя политика сводится к тому, чтобы не идти ни на какие уступки, и на все наглые попытки буржуазии изнасиловать нас, давать сдачу. ... Но это еще не внешняя политика» (там же, с. 128). Утверждая, что главной целью внешней политики должно быть получение кредитов, он предлагал осуществить поворот во внешней политике: «В области внешней политики нам нужен своего рода “НЭП” именно в том смысле, что необходимо изучение заботливое, пристальное тех возможностей, которые фактически нам представляются уже в настоящее время за границей» (там же, с. 130).

Партийное руководство стремилось не допустить создания в экономике сильного сектора, свободного от контроля партийного аппарата. Выступая с докладом на XIII съезде РКП(б) в мае 1924 г., Зиновьев говорил: «Вопрос о концессиях есть вопрос о пределах НЭПа. Если подпустить концессионеров к себе, это значит — увеличить удельный вес новой буржуазии в нашей стране» (Тринадцатый съезд РКП(б), 1963, с. 63). За период с начала НЭПа до 1 октября 1924 г. поступило 1192 предложения, при рассмотрении которых было заключено только 70 концессионных договора, причем около половины из них представляли собой торговые концессии, и только 20 были заключены в промышленности (Голанд, 2006, с. 230–231).

Красин в середине мая 1925 г. дал откровенную характеристику концессионной политике в письме в Наркоминдел. Он назвал отказ ратифицировать договор с Уркартом моментом крутого поворота во внешней политике, после которого произошел почти полный отказ от концессий. В результате в Европе сложилось широко распространенное убеждение, «что с Советами никаких практических выгодных для капитала договоров заключить нельзя и что все разговоры о концессиях сплошная словесная пропаганда»³¹. При этом уверения противников заключения договора в возможность восстановить предприятия Уркарта собственными силами не подтвердились, и в 1925 г. они стояли в таком же положении, в каком были в 1922 г. Отказ от концессий не позволил улучшить отношения с заинтересованными в них влиятельными капиталистическими группами, в результате чего сохранялись дискриминационные условия во внешнеэкономической деятельности. По оценке Красина, потери при реализации экспорта, кредитных, страховых и транспортных операциях значительно превосходили те уступки, которые пришлось бы делать концессионерам.

Мы видим, что была возможность привлечь в достаточно широких масштабах иностранный капитал для ускорения восстановления экономики. Власти от этого отказались по политическим и идеологическим причинам, стремясь сохранить полный контроль над важными секторами экономики, что ограничило использование передовых технологий, заимствование передового управленческого опыта. При проведении индустриализации после свертывания НЭПа пришлось оплачивать импорт иностранного оборудования и техническую помощь за собственный счет, увеличив изъятие средств из сельского хозяйства, что подорвало ее развитие и сказалось на жизненном уровне населения.

Для ускорения экономического роста и в наши дни желательно привлекать прямые иностранные инвестиции, дающие возможность использовать

³¹ РГАЭ, ф. 413, оп. 2, д. 2048, л. 194.

современные технологии и передовой бизнес-опыт. Однако опыт НЭПа показал, что для их прихода необходимы не только благоприятный инвестиционный климат внутри страны, но и определенная внешняя политика, которая должна быть нацелена на поддержание добрососедских отношений с развитыми странами, учитывать возможности достижения компромиссов. Такая политика не может исходить из стремления жестко навязывать свою волю.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Голанд Ю.М.** (1998). Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. М.: Фонд экономической книги «Начала». [**Goland Yu.M.** (1998). *Crises that destroyed NEP. Currency regulation in the NEP period*. Moscow: Economic Book Foundation “Nachala” (in Russian).]
- Голанд Ю.М.** (2006). Экономические дискуссии в годы денежной реформы 1921–1924. М.: Экономика. [**Goland Yu.M.** (2006). *The discussions about economic policy during the monetary reform period 1921–1924*. Moscow: Ekonomika (in Russian).]
- Двенадцатый съезд РКП(б) (1968). Стенографический отчет. М.: Политиздат. [*Twelfth congress of RCP(b)* (1968). Verbatim report. Moscow: Politizdat (in Russian).]
- Дезен А.А.** (1925). Банковое кредитование промышленности в 1921–1924 гг. М.: Экономическая жизнь. [**Dezen A.A.** (1925). *Bank lending industry in 1921–1924*. Moscow: Economicheskaya zhizn' (in Russian).]
- Ленин В.И.** (1982). Полное собр. соч. Т. 45. М.: Политиздат. [**Lenin V.I.** (1982). *Complete works*. Vol. 45. Moscow: Politizdat (in Russian).]
- Ленин В.И.** (1983). Полное собр. соч. Т. 54. М.: Политиздат. [**Lenin V.I.** (1983). *Complete works*. Vol. 54. Moscow: Politizdat (in Russian).]
- Прибытков В.В.** (1995). Аппарат. СПб.: ВИС. [**Pribytkov V.** (1995). *Apparatus*. Saint Petersburg: VIS (in Russian).]
- Промышленность СССР в 1924 году (1925). М.: ВСНХ. [*Industry of USSR in 1924* (1925). Moscow: SCNE (in Russian).]
- Рейнхарт К., Рогофф К.** (2011). На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства. М.: Карьера Пресс. [**Reinhart C., Rogoff K.** (2011). *This time is different: Eight centuries of financial folly*. Moscow: Career Press (in Russian).]
- Тринадцатый съезд РКП(б) (1963). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат. [*Thirteenth congress of RCP(b)* (1963). Verbatim report. Moscow: Gospolitizdat (in Russian).]
- Трояновский А.А.** (ред.) (1922). Наша трестированная промышленность. М.: НК РКП. [**Troyanovsky A.A.** (ed.) (1922). *Our trusted industry*. Moscow: PC WPI (in Russian).]
- Юровский Л.Н.** (1926). Современные проблемы денежной политики. М.: Фин. изд-во НКФ СССР. [**Yurovsky L.N.** (1926). *Modern problems of monetary policy*. Moscow: Financial publishing house at PCF USSR (in Russian).]
- Юровский Л.Н.** (2008). Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи. М.: Экономика. [**Yurovsky L.N.** (2008). *Soviet monetary policy (1917–1927). Selected articles*. Moscow: Ekonomika (in Russian).]
- XV конференция ВКП(б) (1927). Стенографический отчет. М.-Л.: Госиздат. [*XV conference of CPSU (b)* (1927). Verbatim report. Moscow-Leningrad: Gosizdat (in Russian).]

Поступила в редакцию 06.02.2022

Received 06.02.2022

Yu.M. Goland

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences Moscow, Russia

Lessons from the NEP experience for solving contemporary economic problems (to the 100th anniversary of the transition to NEP)

Abstract. The article analyzes the experience of New economic policy (NEP), some of its features, the study of which may be helpful in solving the problems of the modern domestic economy. Certain similarities are obvious between the mixed economy of the NEP period, which V. Lenin called state capitalism, and the modern market economy with the growing role of the state. Within the framework of the chosen topic of NEP lessons, five key research areas have been identified: 1) selection of qualified personnel, 2) limitation of the excessive control system, 3) monetary policy, combining fighting inflation and stimulating economic growth, 4) a stable exchange rate of the domestic currency or devaluation; 5) attracting foreign capital. For each of these areas, the problems during the NEP period are highlighted. They were caused not only by the complexity of the economic recovery following the civil war. Contradictions in the ruling stratum of the Communist Party were also of great importance. The communists with high posts in the economy considered the development of productive forces to be the main priority and proceeded from the need to stimulate an increase in production. Party ideologists and apparatchiks, representatives of various control bodies, were guided primarily by political and ideological considerations. As a result of these contradictions, economic policy was often inconsistent. The study of the NEP experience lets us find the positive lessons that can be used in modern conditions, and those negative features that should not be repeated.

Keywords: *new economic policy, NEP, human resources, control, inflation, economic growth, devaluation, foreign investment.*

JEL Classification: B14, E22, E31, E52, F21, F35, H62, N14, N34, M12 O40, P20.

For reference: **Goland Yu.M.** (2022). Lessons from the NEP experience for solving contemporary economic problems (to the 100th anniversary of the transition to NEP). *Journal of the New Economic Association*, 4 (56), 172–193. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-56-4-8